

Обратим внимание на то, что перед нами не черновой вариант, который будет переписан набело и только после этого подписан ответчицей, а единственная запись допроса, подписанная по просьбе неграмотной Палагеи Максимовой Перединой двоюродным сыном Михаилом Серебrenиковым. Из этого факта вытекает, видимо, следующее: писец активно вторгался не только в процесс редактирования, но и в процесс создания текста (обратим внимание на замену *обратно* → *а куда не знаю*). Значит, правленный вариант вышедшего «из-под его пера» текста допроса уже соответствовал некоему сформировавшемуся в представлении писца идеальному жанровому образцу. Но писец, вероятно, был малоопытен и не умел сразу набело оформлять собственные трансформации устной речи ответчика, или же у него не было на это времени. В следственном деле остался заверенный подписью адресанта правленный текст (что нарушало канцелярскую традицию подписывать только не имеющие исправлений чистовики), а в архивном — удача для современного исследователя! — свидетельство сложного рождения конкретного текста, поиска абстрактного жанрового идеала и тем самым маленького шага вперед, сделанного неизвестным нам писцом, в глобальном процессе становления одного из жанров русского документа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красина Е. А. Русские перформативы. М., 1999.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в. (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002; Трофимова О. В. Перформативный глагол как критерий жанровой квалификации русского документа XVIII в. // Русский язык: история и современность. Ч. II. Челябинск, 2002. С. 128–132.
4. Кушнерук С. П. Основания внутрителивой стратификации документных жанров // Актуальные вопросы русистики. Тюмень, 2003.

Василий Петрович ВАСИЛЬЕВ —
доцент кафедры исторического языкознания
и славянских языков
Кемеровского государственного университета,
кандидат филологических наук

Аксиологическая компонента концепта

УДК 81.'371

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются аксиологические характеристики концепта и определяется их роль в организации концептуального содержания слова. На основании выявленного набора оценок проясняется природа концепта, проецирующего на себя когнитивный и ценностный компоненты сознания в их единстве и взаимодействии.

The article deals with the concept evaluation characteristics, their importance in conceptual structure of word. The discovered set of evaluation characteristics made it possible to reveal the nature of concept which reflects both cognitive and evaluative components of consciousness in their unity and interaction.

Когнитивное направление лингвистики связано с изучением языковой проблематики в контексте исследования проблем сознания, которым в последнее время

придано подлинно человеческое измерение, ибо «на смену «главному герою» классики — «*cogito*», трансцендентальному «Я», гносеологическому субъекту — приходит человек «желания», «жеста», «удовольствия», «вкуса» и «стиля»» [1: 4].

Когнитивная лингвистика, укоренившая в себе принцип антропоцентризма, ставит во главу угла своего изучения непосредственные связи языка с мыслительной деятельностью человека, с его совокупными знаниями об окружающей действительности и о своем внутреннем мире. Рассматривая язык как расширение и реализацию способа, посредством которого сознание представляет мир [2: 268], она через изучение вербализованных знаний (слов, ассоциативных полей [3], функционально-смысловых сфер, предложений) пытается раскрыть лежащие в их основе ментальные структуры (концепты, пропозициональные, фреймовые, сетевые и другие структуры), которые упорядочивают информационный тезаурус человека. В этой связи концепт как элементарная единица сознания, отражающая определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «*Действительность*» [См. 4: 90], является проекцией уровневой структуры сознания (бессознательного, сознания в узком смысле, сверхсознания) и его составляющих — телесно-перцептивной, логико-понятийной (внешнепознавательных способностей), эмоционально-аффективной, ценностно-смысловой (интуитивных познавательных способностей) [5: 83–93].

Предметом нашего внимания является ценностно-эмоциональная (гуманитарная) составляющая сознания сквозь призму языковой концептуализации природного объекта. Непосредственная задача исследования, проводящего идею о том, что отдельные области человеческого знания в неодинаковой степени содержат в себе аксиологические моменты, состоит в том, чтобы показать, какие типы оценочного отношения к метеорологическому объекту/явлению как представителю класса натурфактов включает в себя концепт *дождь*, какое место они занимают в нем и как характеризуют его природу.

Основным средством обнаружения аксиологической компоненты концепта *дождь* выступает язык (объем контекстуальной выборки составляет более 2 тыс. употреблений номинации *дождь* и ее производных), который, закрепляя опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысяч лет, оказывается едва ли не самым надежным проводником во внутренний мир человека [6: 43]. В качестве дополнительного источника привлекаются материалы лингвистического интервьюирования информантов по вопросам: «*Плохой/хороший дождь — это какой?*», «*Серебристый... дождь — это красиво или некрасиво?*», свободного ассоциативного эксперимента на слово *дождь*, ассоциативное поле которого в объеме 692 ассоциатов включает в себя около 20% слов с аксиологическим значением.

Предпринятый в работе аксиологический подход к объекту *дождь*, базирующийся на установлении значимости этого объекта для удовлетворения потребностей человека, реализован через интерпретацию его ценностного смысла в виде следующих оценок.

1. «**Общая оценка**» (180)¹ явления, заключающаяся в его **положительной** (56) и **отрицательной** (124) квалификации, экспонируется общеоценочными прилагательными, которые характеризуют обозначаемое метеонимом явление непосредственно: *дрянной, злой, хороший, добрый, прекрасный...* дождь — либо опосредованно, т.е. через оценку целого (*погода*), обусловленную его элементом (*дождь*): *плохая 2, хорошая 3, самая лучшая, скверная...* погода... *мерзкая, отвратительная, стоит гнусная, была плохая/негодная*. См. примеры: *Погода отвратительная. Льет самый настоящий дождь*. Папанин, *Жизнь на льдине; Потому что погода была плохая, дождь лил без передышки...* Панова, *Спутники; ...а в смысле погоды неважно — дожди*. Си-

¹ Здесь и далее цифры обозначают частоту актуализации признака, аспекта и употребления слова.

монов, Так и будет. Как видим, структуру приведенных высказываний образует «дескриптивное развертывание оценки, состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется» [7: 216] фактическая характеристика явления. Погодное явление, обнаруживающееся в виде дождя или комплексно, маркируется отрицательно и тогда, когда обозначается такими лексическими и синтаксическими номинациями, как *непогода* 8, *непогодь* 6, *непогодье* — 'плохая погода; ненастье', *ненастье* 3 'дождливая, пасмурная погода; непогода' и — *погода... испортилась* (изменение качественного признака), *разненастилась* (начальная фаза существования) — *На дворе бушевала непогода. Дождь стучал по крыше, трепал листья в саду.* Короленко, Ночью; *В окно со двора на нас смотрит хмурая холодная непогодь. Хлещет крупный настойчивый дождь.* Неверов. В путь-дорогу; *Второй день лил дождь, и второй день старик и Василий Трофимыч укрывались от непогоды в охотничьей избушке.* Черешнев, Леший; *Стояло затяжное ненастье. Не переставая моросил дождь...* Марков, Строговы.

Отрицательная коннотация метеонима *дождь* нередко оттеняется его противопоставлением оценочной дескрипции *хорошая погода* 2 (ср. аналогичную оппозицию по контрасту *дождь — ведро* [8: 194]): *Другая рыба — вьюн — перед дождем опускается на дно, а перед хорошей погодой поднимается на поверхность* (из журнала).

Полнота и завершенность в описании общей оценки дождя достигается при учете того факта, что в ее выведении немалую роль «играют и те черты объекта, которые входят в понятие хорошего и плохого» [9: 203]. Общеотрицательная оценка заполняется набором частных характеристик (93): *холодный* 11, *сильный* 28, *мелкий* 20, *продолжительный* 5... *дождь... при тучевом небе* 16, *с ветром* 3, *вызывающий плохое настроение* 2 и *образующий грязь* 4, а также другие признаки (4): *осенний, редкий, косой, внезапный, неприятный, не вовремя идущий...* *дождь... с градом, со снегом, с туманом, содержащий химические примеси и образующий лужи* — *Ночью полил такой сильный дождь, что мы все промокли.* Шолохов, Судьба человека; *По небу шли низкие облака, сеяли противным мелким дождем.* Иванов, Вечный зов; *Днем, поживаясь под холодным дождем, <...> медленно поплелись на передовую автоматчики.* Колосов, Три круга войны; *Стучит нудный осенний дождь...* Проскурин, Горькие травы; *Но кто из нас удовлетворится таким ненадежным благополучием, которое... зависит от... дождя не вовремя...* Тендряков, Покушение на миражи и др.

Положительная оценка (49) объемлет такие аксиологически релевантные признаки явления, как *сильный* 19, *теплый* 9, *мелкий* 7, *летний* 4, *солнечный* 2, *грибной* 2, *кратковременный* 2, *частый...* *дождь... с грозой* 2, а также (1) *крупный, прямой, тихий, хорошо увлажняющий...* *дождь... с радугой, после жары, допускающий прогулку* — *Люди млеют в духоте и зное, глядя на небо: когда же оно наконец лопнет и прольет дождь.* Черкасов, Москвитина, Черный тополь; *... по мне самая лучшая погода та, которую замечаешь. Если дождь, так чтоб лил как из ведра...* Сартаков, Горный ветер; *Но не разучился ли он за это же время радоваться простому теплему дождю?* Солоухин, Мать-мачеха; *Летний дождик — одно только удовольствие.* Пришвин; *...сеялся подсвеченной крутой радугой дождь.* Бородкин, Кологривовский волок; *Люблю, когда идет гроза. Когда все никнет и поклоняется дождю.* Леонов, Половчанские сады; *А я даже предпочитаю в дождик гулять. ...хотя, правду сказать, при солнышке я еще больше люблю.* Леонов, Золотая карета; *Только что прошел дождь, короткий, буйный, окатный, из нечаянно подвернувшейся по-летнему единственной тучи, а уже опять солнце...* Распутин, Последний срок; *Все-таки надо было пройти по воздуху... дождь, аромат.* Тимофеев, Москва. Моление о чаше.

В целом факт преобладания отрицательной оценки коррелирует с одним из вариантов этимологической реконструкции метеонима *дождь*, согласно которому прасл. **dъ-d-ъ* <и.-е. *duz-dju-s* «плохое небо, дурная погода» [10: 196].

2. Для выражения «гедонистической оценки» (15), определяющей чувственные восприятия с положительной (11) и отрицательной (4) точек зрения, используются оценочные определения, которые квалифицируют явление через вызываемую в субъекте реакцию: *приятный, неприятный, противный 3, ласковый....* дождь. При этом допускается оценка явления через его таксономическую принадлежность — *А правда, пойдём, что ли, — прогуляешь меня как собачку. Дождь моя любимая погода.* Тимофеев, Москва. Моление о чаше. Субъектные оценки, выражающие отношение к природному явлению, репрезентируются диспозиционными предикатами *нравиться 2 и любить 4*, безлично-предикативным словом *хорошо 2* — *А хорошо, когда летом идет теплый дождь...* Сартаков, Философский камень; *Теплый короткий дождь освежает лицо, просторная гладь опять дрожит, и хочется кричать умиленно и радостно: «Хорошо!».* Соболев, Дневники. Письма; *...а этот дождь и слякоть мне страшно нравились.* Погодин, Сонет Петрарки; *А я даже предпочитаю в дождик гулять. Забавно, что и маме в моем возрасте также дождик нравился.* Леонов, Золотая карета; *Я в детстве также дождь любил. По лужам босиком бегать — красота!* Малюгин, Старые друзья.

3. «Эмоциональная оценка» (90), отличающаяся положительным (23) или отрицательным (67) характером, выражается номинациями эмоционального состояния, эмоционально-оценочного отношения и эмоциональными междометиями, которые, функционируя как элементы высказывания, семантически организуются в бинарные оппозиции:

«удовлетворенность-неудовлетворенность»: *благодатный, веселый, добрый, желанный, невеселый, безотрадный, угрюмый, мрачный, монотонный, однообразно-утомительный, унылый, тоскливый, скучный 2, нудный 8, сеявший скуку, надоедливый, надоедний, назойливый, докучливый, докучный... дождь... все нудил и нудил, начал надоедать, цедился назойливый, заморосил нудно, забарабанил уныло, привел в восторг, принес счастье; осенняя грусть дождя, надоедливый шум дождя; не нарадуются теплым дождям; истосковались, соскучились по дождю 4, радоваться теплому дождю, скучно шумело дождем; шум дождя раздражал; вскипел; ...дожди кропят без всякой радости; наводили грусть; черт бы его подрал, проклятье (междометия), унылая сила, радостные слезы — А в осеннем дожде есть какая-то унылая сила...* Тендряков, Среди лесов; *Дождь собирается, вот проклятье.* Петрушевская, Три девушки в голубом; *Поздравляю, старик, ты оказался прав... Да вот насчет дождя, черт бы его подрал.* Вампилов, Дом окнами в поле. Утиная охота; *Пришла на гребь, шесть верст прошастала по песчаной дороге, а тут непогодь, дождь, — как не вскипеть.* Абрамов, Дом у дороги; *И то же самое в лесу хвойном и лиственном — не дождь пошел, а как будто пролились радостные слезы.* Пришвин;

«беспокойство-спокойствие»: *успокаивающий нервы...дождь...вызвал переполох, беспокоил женщин, не страшен 4 по траве, в шалаше; боялся, не боялся 4, напугался...дождя, а также: беспокоился, болел душой, побаивался; боялся промокнуть, не боялся вымокнуть, с тревогой, с опаской, тревожное предчувствие, благостное облегчение, просто ужас — Игнат болел душой, если в покосы день за днем начинал сыпать дождь...* Тендряков, Тугой узел; *Я не боюсь вымокнуть. Боюсь уйти. И не под дождь, а в темноту.* Сартаков, Свинцовый монумент; *...груды зерна, ссыпанного под открытым небом, побаивался, что вот-вот разразится дождь (из газеты); ...а местные хлеборобы из села Гойсты с тревогой поглядывали на грозовые облака, ждали, когда кончится дождь (из газеты) и — пренебрежение к дождю (эмоционально-оценочное отношение).* Ср. рус. диал. : амур. *уросливый* 'длительный, надоедливый (о дожде)'.

Кроме того, положительные или отрицательные эмоции маркируются цветовыми номинациями, ибо «то, что перцептивно (зрению) представлено как цвет, в переживании представлено как эмоция, и наоборот» [11: 166]. Цветовая палитра

дождя, ранжированная испытуемыми по эмоциональному параметру «веселый/радостный — грустный/печальный», соотносится как с положительно окрашенной оценкой: *золотистый, золотой* (ср. перен. 'дорогой любимый', *золото* 'ласковое обращение к кому-либо'), *радужный* (ср. перен. 'приятный, радостный, сулящий счастье')... дождь, так и с отрицательной: *серый* (*серый цвет* — цвет траура [12: 107]: ср. *серая*... *скука, тоска*, но: **серая радость*), *седой, свинцовый* (ср. перен. 'мрачный, гнетущий. О чувстве'), *стальной* (ср. перен. 'жесткий, холодный, недружелюбный'), *желтый* (ср. перен. 'продажный, предательский'), а также с поляризованными оценками: *серебристый, белый*... дождь; *серебряные, серебристые*... дожди.

В область эмоциональных оценок проецируются также признаки световых номинаций: «светлые» признаки трансформируются в позитивное эмоциональное состояние (ср. *светлый* 'блестящий, излучающий блеск' и — 'радостный, ничем не омраченный') — *алмазная сетка, искристые потоки*... дождя; *искристые дожди; хрустальный, мерцающий*... дождь... *блестел*, в то время как «тусклые» (ср. *тусклый* 'не имеющий блеска...' и — '...скучный, серый') вызывают негативное психологическое состояние — *мутный* дождь.

4. В ракурсе эстетического интереса носителей языка оказываются цветовые и световые свойства явления, которые, будучи предметом «бескорыстного созерцательного отношения» [13: 70], вызывают у них чувство удовольствия или неудовольствия. Интериоризованная эстетическая ценность рассматриваемого объекта проявляет себя в языке через составляющие содержание **эстетической оценки** (18) признаки «приятный на вид» (*красивый*) и «неприятный на вид» (*некрасивый*). Образ «красивого» дождя (11) воссоздается в речевых сообщениях набором номинаций, указывающих на а) хроматические цвета — *золотистый, золотой* (ср. *золотарь* 'ювелир', *золотить* 'делать привлекательным, украшать'), *желтый, радужный*... дождь; б) ахроматические цвета — *серебристый* (ср. *серебро* '... украшения', *белый* (белизна символизирует красоту [14: 106], ср. диал. казан. *беланушка* 'добрая, приветливая и красивая женщина', *белье* 'лучшая одежда в противоположность плохой'), *седой, стальной, свинцовый, серый*... дождь; *серебряные, серебристые*... дожди; в) блеск/свет и проявление этого качества — *алмазная* (ср. *алмаз* 'бриллиант, украшение') *сетка, искристые потоки*... дождя; *искристые дожди*, а также см. ассоциаты: *хрустальный* (ср. ювелирные изделия), *мерцающий*... дождь... *блестел* (ср. *блеск* 'красота'); г) мелкие части предмета — *искры*... дождя.

Носителями «некрасивых» проявлений дождя (7) выступают преимущественно «тусклые» и «темные» слова: *мутный; серый* как разновидность «черного, а не белого» [15: 78], *свинцовый, стальной, грязный*, но: *седой, желтый, белый*... дождь. Проведенный анализ с опорой на данные интервьюирования русскоговорящих по вопросу: «Золотистый (и другие эпитеты) дождь — это красиво или некрасиво?» делает очевидным то, что эстетическая семантика дождя как общезначимого явления природы «мало чем разнится в сознании каждого из нас». В эстетической реакции на образы дождя «эта особенность достигает величин, близких к максимальным» [16: 73].

5. **Утилитарная оценка** (313) дождя производится носителями языка в границах понятий «приносящий пользу» 13 — «не причиняющий вреда» 6 — «не приносящий пользы» 12 — «причиняющий вред» 108 и «содействующий чему-либо» 65 — «не меняющий прежних условий для чего-либо» 60 — «препятствующий чему-либо» 63: капля *полезного* дождя; *благотворный, вредный* 2... дождь (ср. диал. *полезный, полезительный, бесполезный, неполезный, вредный, неврeдный*... дождик... *даст большую пользу*) [17: 154–155] и — *Последствия обильных дождей, наполнивших все водохранилища, поднявших уровень грунтовых вод, создают благоприятные условия для получения богатого урожая*... (из газеты). Оценка позитивных и негативных свойств дождя определяется по тем изменениям в объектах реального мира, на

которые распространяется его воздействие. К этим объектам, испытывающим на себе воздействия дождя, относятся естественные объекты (*почва, растения*), артефакты (*дороги, городские системы связи и жизнеобеспечения, одежда человека*), человек (*его здоровье и самочувствие*).

Негативные воздействия на объекты окружающей действительности, связанные с причинением объектам вреда, порчи (*вредный*) и пагубным влиянием его как неблагоприятного обстоятельства на состояние, действие объектов (*неблагоприятный*), проявляются в его разнообразных «способностях» — избыточно увлажнять поверхность почвы (56), о чем свидетельствуют номинации, указывающие на пропитывание объекта (*сильно пропитать*), изменение качественного признака объекта (*раскиснуть* 9), полужидкую массу (*грязь* 17, *слякоть* 7) и др.;

вызывать разрушение и перенос почвы: *прибить* пыль (изменение качественного признака), *смыть* всю землю (перемещение объекта), *размыть* дорогу (разрушение объекта), *промоина, овраг* (отрицательные формы рельефа);

вызывать порчу сельскохозяйственных продуктов (12): *попортить* (повреждение объекта), *гнить* (становление физического качества), *погнить* (прекращение существования) и др.;

вызывать чрезмерный подъем уровня воды в реках (7), их разлив (7) и затопление местности (5): река *вздулась* (изменение качественного признака), *разливаться* (покрытие объекта), *наводок, половодье, наводнение* (гидрологические явления);

неблагоприятно влиять на рост и развитие растений (26): *прибить* колос (давление), *положить* хлеба (помещение объекта), *смыть* пыльцу (удаление), *сломить* колосья (повреждение объекта), *помешать созреванию* ягод (противодействие) и др.;

препятствовать проведению работ на открытом воздухе и приводить к их прекращению: *сдерживать* темп жатвы (противодействие), *отбить* от всех работ (лишение), *задержать* уборку зерновых (прекращение действия) и т.д.;

приводить в сонливое состояние (2) и состояние дискомфорта или болезни (9): *простудиться, забнуть* (физиологическое состояние).

Позитивные воздействия дождя на объекты действительности заключаются в его способности приносить пользу (*полезный*) или создавать удобные условия для возникновения, развития чего-либо (*благоприятный*), а именно: оптимально (хорошо) увлажнять поверхность почвы (2): хорошо *промачивать* землю, улучшить *увлажнение* почвы (пропитывание объекта); благоприятствовать росту и развитию растений (26): *поправить* озимые (изменение качественного признака объекта), *рожь* заколосилась, *хлеба* поднялись волной, *грибы* появились, *корнеплоды* пошли в рост (объекты естественного и культивируемого растительного мира); а также: *дождевик* 'гриб, быстро растущий после теплых летних дождей', *словно грибы после дождя* 'быстро, в большом количестве'.

Промежуточные результаты влияния дождя на реальные объекты, выраженные в его невозможности причинить вред (*невредный*), принести пользу (*неполезный*) и изменить прежние условия существования объекта («не неблагоприятный»), оказываются связанными с тем, что он недостаточно увлажняет поверхность почвы (2): *не напоить* землю, слегка *намочить* песок (пропитывание объекта);

не оказывает заметного влияния на целостность почвы (4): едва *прибить* пыль (изменение качественного признака объекта), *не смочить* пыль (сохранение объекта);

не оказывает заметного влияния на сельскохозяйственные продукты (2), в результате того, что после дождя... *ворошат* зерно (круговое и вращательное движение), *сушат* сено (изменение качественного признака объекта);

не препятствует проведению работ на открытом воздухе (5): *работа* под дождем, *убирать* урожай при дождях (трудовая деятельность), а также: «*Коси в дождь — гребни в ведро*»;

не приводит в состояние дискомфорта или болезни (55): *не бояться* дождя (эмоциональное состояние), *дождевик, зонтик, шалаш, деревья* и др. (средства защиты: одежда, приспособления, укрытия), а также афористическое выражение «*Дождик вымочит, а солнышко высушит*».

Итак, рассмотрение концепта *дождь* с точки зрения входящих в него аксиологических характеристик позволяет определить их роль в организации концептуального содержания и дополнительно оттенить природу концепта, проецирующего на себя когнитивную и ценностную составляющие сознания в их единстве и взаимодействии.

Аксиологическое своеобразие концептуального содержания метеонима *дождь* отличается присутствием в нем как общей оценки (180), так и наполняющих ее частных оценок — утилитарной (319), эмоциональной (87), эстетической (21), гедонистической (18). Такая полнота охвата оценочных характеристик концептуализированного объекта оказывается возможной благодаря когнитивному подходу к нему, который, будучи вызванным к жизни интересами познающего субъекта, рассматривает отражаемые объекты в их мыслительной конкретности, без отделения существенного от несущественного (не отвергая при этом логической возможности познания в них общего), предметного от оценочного.

В соответствии с этим концепт представляет итоговое знание о «живых», конкретных проявлениях дождя в виде дескриптивного и аксиологического знания о нем, которое упорядочивается с помощью 29 концептуальных аспектов («составные частицы осадков», «агрегатное состояние осадков», «способ существования осадков», «источник образования осадков», «интенсивность проявления осадков», «количество выпавших осадков» и др.) и 81 признака («капли», «вода», «выпадать», «тучи», «низкая температура», «незначительный по величине» и др.).

Удельный вес аксиологических признаков в организации концепта определяется не только тем, что утилитарная оценка является одной из психологически ярких характеристик концепта, но и индивидуальной возможностью, допустим, негативной эмоциональной тональности (*плохо, тоска*) выступать в качестве его чувственной основы, как свидетельствуют данные лингвистического интервьюирования по вопросу: «*Какой образ у вас связан с понятием (словом) дождь?*». Полученным от испытуемого ответом, в котором актуализировался образ архетипической реальности — эмоциональное переживание как выражение первоначального чувственного взаимодействия с миром, проясняется то, что освоение объектов реального мира по оценочным меркам является неотъемлемой стороной их познания: *Потому что погода была плохая, дождь лил без передышки...* Панова, Спутники; *А хорошо, когда летом идет теплый дождь...* Сартаков, Философский камень; *Игнат болел душой, если в покосы день за днем начинал сыпать дождь...* Тендряков, Тугой узел. Через оценочное восприятие явления природы происходит осознание его социальной ценности: «Предмет природы, тем или иным способом вовлеченный в сферу жизнедеятельности человека, именно через этот способ, а также благодаря своим объектным качественным особенностям получает свое значение для человека», — замечает Т. М. Галимова [18: 13]. Языком удостоверяется единство оценочного и предметного знаний об объекте через представленный в нем механизм трансформации его первоначальной оценки в дескриптивный признак: *жуткий* 'вызывающий чувство страха' и — 'чрезвычайный, крайний по силе, степени проявления'...ливень, *страшный* 'вызывающий, внушающий чувство страха' и — 'очень сильный'...ливень — *Перед природой «комнатные» люди испытывают страх* — страх перед ливнями и грозами...Паустовский, Памяти Аксакова; *Когда подошел поезд, обрушился жуткий ливень...* (из газеты); *Мы грибы перебирали, и вдруг дождь хлынул...* Страшный ливень. Арбузов, Ожидание.

Факты порождения оценочно-дескриптивных высказываний, вхождения оценочных слов в таксономию языка и выдвижения оценочного момента в образное

представление концепта обнажают путь от оценочного к дескриптивному в познании объекта, напоминая собой эволюционные этапы освоения мира ранним человеком — эмоционально-практическое, эмоционально-рефлексивное и рационально-рефлексивное освоение мира [19]. Отсюда следует, что оценка лежит в основе концептуализации объекта и определяет ее направления.

На уровне готового знания оценка, входящая в его содержание, организует это знание. В языке организующая роль аксиологической компоненты концепта выражается:

1) вторичными лексико-семантическими вариантами многозначного слова — *ужасный, жуткий, страшный*...ливень, которые, обозначая концептуальный признак, через свою внутреннюю форму отсылают к первичному эмотивному словозначению;

2) дескриптивно-оценочными суждениями, показывающими своей структурой аксиологическое свертывание дескрипции, которое заключается в том, что атрибутивные признаки явления подводятся под тот или иной оценочный квалификатор: *Дождик, дождик целый день* — скверная погода (из песни); *Теплый короткий дождь освежает лицо...*, и *хочется кричать умиленно и радостно: «Хорошо!»*. Соболев, Дневники. Письма и др.

Механизм речевой экспликации оценки в виде цепочки понятий «оценка — дескрипция — оценка» представляет возможность акцентировать внимание на дескриптивной стороне концепта в аспекте ее связи с аксиологией. В этом единстве роль оценки сводится, с одной стороны, к расчленению дескриптивного «поля» концепта и к его ограничению, а с другой — к объединению дескриптивных признаков под началом позитивной и негативной модальности. Кроме того, чувственная природа оценок мотивирует присутствие в концепте, наряду с общими, индивидуальных признаков отражаемого объекта.

Выявленный набор аксиологических характеристик объекта *дождь* как прототипичного объекта категории «атмосферные осадки» образует особый параметр (слот) его познавательной схемы (каркаса, фрейма), в соответствии с которой как инвариантом познания [20] интерпретируются другие объекты категории — *роса, иней, град* [21; 22; 23]. Вместе с тем при наличии унифицирующего фрейма [24] «атмосферные осадки» в пределах аксиологического слота выявляется индивидуальная специфика концептуализируемых объектов, которая обуславливается мерой проявления их ценностных свойств. Так, для концепта *дождь* психологически яркими являются утилитарная, эмоциональная и общая оценки, в то время как для концептов, экспонируемых в языке лексемами *роса* и *иней*, — эмоциональная и эстетическая. Здесь оценка обнаруживает неодинаковую значимость природных объектов в жизнедеятельности человека. Намеченное диалектическое противостояние концепта *дождь* другим по социальной важности отражаемого объекта дополняется неравновесностью поляризованных аксиологических признаков, которая выражается в доминировании отрицательной оценки над положительной (374 против 176 актуализаций), тогда как в концептуальных структурах лексем *роса* и *иней* превалирует положительная модальность.

Аксиологический способ интерпретации данного метеорологического явления активизирует такую систему оценок («удовлетворенность — неудовлетворенность» — эмоциональная оценка, «нравится — не нравится» — гедонистическая оценка), которые рассматриваются [25: 111] как специфические реакции на ¹события и ²объекты: ¹ *унылый, тоскливый, скучный* и — ² *приятный, противный*... дождь. Такое сочетание признаков обуславливается способом конструирования носителями языка денотата — физического события, номинированного как объект в индоевропейских языках. Предметному и событийному планам денотата метеонима соответствует также деление признаков его утилитарной оценки: «приносящий пользу» (*полезный*) и «способствующий чему-либо» (*благоприятный*) и др.

Анализ структуры концепта как элемента обыденного сознания будет не только неполным, но и несостоятельным без учета аксиологических элементов знания, так как они, «завязанные» на интересах, целях и ценностях субъекта познавательной деятельности, формируют предмет познания: «Принцип ценности дает возможность выбрать из многообразия индивидуальных фактов наиболее существенные. «Лишь отнесение к ценности, — утверждает Риккерт, — определяет величину индивидуальных различий. Благодаря им мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой». Культурные ценности — это тот критерий, при помощи которого происходит процесс логической систематизации знания» [26: 104].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Г. И. Философская антропология и антропологическая проблематика в философии. Томск, 2002.
2. Портнов А. Н. Философия сознания — философия языка — философия сознания // Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX в. Иваново, 2000. С. 266–270.
3. Васильев В. П., Васильева Э. В. Ассоциативное поле как экспонент концепта // Вестник Кемеровского ун-та. Сер. Филология. 2002. № 4. С. 24–34.
4. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука XX в. М., 1995. С. 74–117.
5. Иванов А. В. Сознание и мышление. М., 1994.
6. Апресян Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. 1999. Т. 58. № 4. С. 39–53.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
8. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984.
9. Арутюнова Н. Д. Указ. соч.
10. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5.
11. Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. Самара, 2000.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
13. Оганов А. А. Возвращение к эстетическому... // Вопр. филос. 2003. № 2. С. 66–76.
14. Маслова В. А. Указ. соч.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
16. Оганов А. А. Указ. соч.
17. Васильев В. П. Русская метеорологическая лексика Кузбасса: (значение, таксономия и функционирование слов): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1986.
18. Галимова Т. М. Эстетическая ценность природы: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1987.
19. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1993.
20. Васильев В. П. Лексико-семантическая категория в свете когнитивной триады «категория – прототип фрейм» // Язык. Система. Личность: Языковая картина мира и ее моделирование. Екатеринбург, 2002.
21. Васильев В. П. Концепт и его лексико-семантическое воплощение в языке // Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества. Владивосток, 2002. С. 34–37.
22. Васильев В. П. Лексический концепт в аспекте его языковой релевантности: метеоним *град* // Филологический сборник. Кемерово, 2002. Вып. 2. С. 21–33.
23. Васильев В. П. Концепт и языковые средства его выражения. Метеоним *иней* // Вестник Новосибирского ун-та. Сер. Филология. 2003 (в печати).
24. Васильев В. П. Фреймовая и концептуальная организация знаний в слове // Проблемы русистики. Томск, 2001. С. 147–150.
25. Мягкова Е. Ю. Когнитивная теория эмоций // Психолингвистические проблемы семантики. Калинин, 1990. С. 110–115.
26. Савцова Н. И. О ценностном характере исторического познания // Ленинская теория отражения. Свердловск, 1977. Вып. 8. С. 103–106.